

Яна Дубинянская

ОТПУСК ПО-ДИКОМУ

Яна Дубинянская

**Отпуск по-дикому.
(Сборник рассказов)**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Дубинянская Я. Ю.

Отпуск по-дикому. (Сборник рассказов) / Я. Ю. Дубинянская —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Усталая бизнес-леди отправляется отдохнуть ото всех в совершенно дикий мир... Но что это? Неужели ее обманули?!Полицейский загорает на пляже, и ничто не предвещает катастрофы. Юная девушка хочет стать режиссером и отправляется в другой мир. У балкона обычной квартиры приземляется летающая тарелка. Корабль под названием «Карфаген» явно должен быть разрушен. Романтический Капитан много столетий ждет свою Анжелику. Викторианский врач оказывается вампиром...Эти и другие сюжеты — в сборнике рассказов Яны Дубинянской, написанных в XX веке.

© Дубинянская Я. Ю.

© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Безлюдная долина	6
Вариация жизни	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Яна Дубинянская

ОТПУСК ПО-ДИКОМУ

Сборник

Безлюдная долина

Полицейский Дюваль отдыхал.

Он лежал прямо на горячем шершавом песке, заложив мужественные мускулистые руки за голову, чуть согнув одну из мужественных загорелых ног и прикрыв мужественное лицо от слишком яркого солнца белой панамой.

В молодости Дюваль был удивительно красив. Рассказывали, что он пошел в полицию только потому, что ему слишком часто предлагали место натурщика в модном журнале. А двадцать лет напряженной работы наложили на его лицо печать неистребимого мужества.

Трудно было представить себе более подходящую внешность для полицейского. Черные волосы подернулись легкой сединой – воплощениям жизненного опыта. Асимметричная складка в углу четко вырезанных губ была глубокой, жесткой и безупречно героической. Легкие морщинки, разбегаясь вокруг прищуренных синих глаз, напоминали волоски оптического прицела. И даже неизбежный шрам проходил в самом нужном месте – от угла брови до верхней части виска.

Эта внешность сильно усложняла Дювалю жизнь. В то время, как товарищи по отделению лениво передвигали по доске шашки, делая вид, что расследуют квартирные кражи, он бегал по крышам и в узких переулках трущоб дрался, вступал в перестрелки, – а что подделаешь, если начальство считало, что он лучше всех смотрится в этой роли? А в итоге и в свободное от работы время именно Дюваль постоянно чувствовал за спиной неприятный взгляд пистолетного дула.

Но сейчас Дюваль отдыхал. Жар песка, покалывая, впитывался в спину. Дюваль пошевелил ногами, меняя их положение, и по всему его телу пробежала волна прекрасно тренированных мускулов. Большая половина женщин, усеявших пляж вокруг него, тихо застонали, и не было никаких сомнений, что остальные сделали то же самое в душе. Дюваль лениво наблюдал за ними из-под панамы. После смерти Линн четырнадцать лет назад все это было смешно.

Хотя... Этой миниатюрной брюнеткой в черном бикини, пожалуй, стоило заняться. Отдыхать так отдыхать.

Дюваль неторопливо встал и пошел к морю смывать песок. Ему пришлось сделать крюк, чтобы обойти палатку семейства Валуа – он сам окрестил их так, хотя в двух толстых обывателях и их взрослой дочери не было ничего королевского. Валуа жили здесь уже две недели, несмотря на то, что оставлять на ночь палатки на пляже запрещалось. Но инспектор, каждый вечер воинственно подступавший к палатке, отходил от нее с редкость мирным и довольным видом. Дюваль давно решил про себя, что Валуа торчат здесь с единственной целью – с утра до вечера демонстрировать всем едва прикрытые купальником зрелые формы своей дочери, которую давно пора выдать замуж.

Дюваль вошел в воду, сделал несколько шагов и, разведя руки над головой, нырнул – четко, сильно, без брызг. Он проплыл под водой добрых пятьдесят метров – пусть намеченная брюнетка полюбуется – а потом поплыл вперед, рассекая воду неторопливыми профессиональными гребками.

Когда Дюваль выходил из моря, и вода уже не прикрывала его колен, левая нога неожиданно в чем-то запуталась. Нагнувшись, он нащупал скользившую между пальцев гладкую рыболовную леску. Удивленный взгляд Дюваля взбежал вверх по этой полупрозрачной нити – фигура и лицо на другом ее конце были ему знакомы.

– Да, это я, – сказал, улыбнувшись, Мишель Мортань.

Дюваль высвободил ногу от лески, и они пожали друг другу руки.

Когда-то Мортань был его непосредственным шефом. Но он недолго продержался в полиции. Тут слились воедино и его мягкий характер, и неумение принимать молниеносные реше-

ния, и неспособность поставить себя над подчиненными – к примеру, он позволял зеленым мальчишкам называть себя запросто Мишелем, стесняясь своей связанной со смертью фамилии. И это он, глядя на Дюваля, слишком часто поддавался неосознанному эстетическому чувству. «Я понимаю, что ты и так загружен больше других, – говорил он со смущенной, бесконечно обаятельной улыбкой. – Но я не представляю, кто, кроме тебя, способен выполнить это задание.» А Дювалю это потом стоило месяца, проведенного в госпитале.

И все-таки Дюваль был по-настоящему рад встрече с бывшим шефом – нет, со старым другом. Брюнетка была забыта. Дюваль присел на нагретый солнцем пористый камень.

– Выйдя на покой, начальник отделения криминальной полиции становится заядлым рыболовом, – провозгласил он. – Но почему на общественном пляже, Мишель?

Мортань улыбнулся – ни у кого больше Дюваль никогда не видел такой замечательной улыбки – озорно блеснули его светло-карие, почти медовые глаза. Ему было уже где-то около шестидесяти, но стариком он ни в коем случае не выглядел. Но в его журавлиной позе с короткой, даже не бамбуковой удочкой в руках было что-то нелепое, комичное.

– В моем случае он не стал рыболовом, – ответил Мортань. – Он занялся наукой.

Дюваль присвистнул. Он взвешивал на согнутой руке полиэтиленовый пакет, в котором плавала одинокая, но на редкость большая рыба.

– Ну, в местных условиях вы и как рыбак преуспели. А что за наука? Ихтиология?

Вопреки всеобщему представлению о полицейских Дюваль был довольно начитан.

Мортань сосредоточенно смотрел на поплавок.

– Нет... Эта наука... для нее не придумано названия. Как знать, Дюваль, возможно, я первый открыл ее. Но ведь не это самое важное, и не название, правда? Я изучаю мир, который живет вокруг нас, и то, как этот мир к нам относится. Нет, не экология...

– Здравствуйте, Мишель!

Слишком звонкий женский голос резанул Дювалю ухо. Рядом с ними остановилась дочь Валуа, мощная пергидрольная блондинка. Загар совершенно не приставал к ее розовому телу, и только нос был малиново-красным и шелушился.

– Здравствуй, Кристин, – ответил Мортань.

К счастью, он не догадался познакомить ее с Дювалем. Недовольная девица – ведь она, вероятно, только этого и добивалась – с шумным плеском врзалась в воду.

Мишель Мортань смотрел в сторону моря, и было непонятно, провожает он ее взглядом или просто следит за поплавком.

– Ты так и не женился? – неожиданно спросил он.

– Нет, – коротко ответил Дюваль и напомнил: – Вы говорили о науке.

– Да... Так вот, окружающий мир вовсе не равнодушен к нам. Он реагирует, он с каждым годом все настойчивее выражает свое мнение. Вот, к примеру, море. Последнее время я изучаю только его. Море – душа нашей планеты, и оно же, что бы мы не говорили, ее властелин. Раньше оно лишь деликатно напоминало о себе. Теперь оно открыто протестует.

Светлый поплавок резко дернулся, и Мортань поспешно вскинул короткое удилище. Леска, полупрозрачная, как струйка воды, противоестественно побежала вверх. Дюваль едва уловил взглядом то, что трепетало на ее конце, и тут же непроизвольно отвернулся.

Потому что это было ужасно. Наверное, это была рыба, да, рыба, пусть. Но все-таки...

Мортань держал леску на вытянутой руке. Рыба уже не трепыхалась, она висела неподвижным мертвым грузом, да и сама она казалась бесформенным комком мертвой слизи. Дюваль заставил себя пристально посмотреть на нее, а потом усилием воли удержал дрожь, возникшую от сознания того, что он какое-то время находился в одной воде с подобным существом.

– Море мутирует, – сказал Мортань, прерывистыми движениями пальцев снимая рыбу с крючка. – Оно не хочет больше молчать. И этот процесс развивается все быстрее, по нарастающей, как на центрифуге. Сегодня – такие рыбы. А кто знает, что оно придумает завтра?

Дюваль скептически скривил губы.

– Вы неправы, Мишель. Делать из моря живое разумное существо – это попросту язычество. А что касается рыб... Вы бы лучше вспомнили фабрику сувениров в Ницце – это же сплошная химия. И совсем рядом.

Мишель Мортань собирался что-то ответить, но внезапно его устремленный на море взгляд остановился, лицо на глазах стало из смуглого смертельно-серым, неправдоподобно расширились зрачки, а брови мучительно изогнулись. С полуоткрытых для ответа губ сорвалось неслышно, как вздох:

– Так скоро...

Дюваль резко вскинул глаза. Он возник где-то на горизонте, но в ту же секунду был уже совсем рядом, ослепительно сверкающий, состоящий из одной лишь белой пены, неотвратимый и немыслимо-огромный – водный вал. Он катился по зеркальной поверхности моря, как колоссальное белое привидение – и в то же время совершенно реальный, и уже можно было различить отдельные завитки и узоры причудливого пенного кружева. В нескольких метрах от берега он вдруг вскинулся па дыбы, и из-под белого гребня во всей своей ужасной, сокрушающей силе возникла толща изумрудно-зеленой, испещренной синими прожилками воды.

Сначала была тишина. Потом – общий, выдержанный в одной тональности оглушительно-высокий крик. А уже после началась паника. Обезумевшие люди бежали, не разбирая направления, возвращались, лихорадочно хватали никому не нужные вещи, снова бежали, сталкивались, теряли друг друга...

И, наверное, никто даже не заметил, что, докатившись до линии прибоя, вал остановился. Замер, нависнув над пляжем немыслимой зыбкой стеной, отбросившей на песок полупрозрачную, колеблющуюся тень.

А. если и заметили, то это только усугубило ужас.

Мортань стоял под этой стеной неподвижно, как загипнотизированный. Тщетно Дюваль тянул его за руку и кричал что-то, тонущее в гуле толпы. Он уже готов был, невзирая на возможное сопротивление, взвалить старика на плечи, по тут Мортань резко, как на плацу, повернулся. Его лицо, уже не страшное и не бледное, несло печать какого-то нечеловеческого возбуждения.

– Дюваль... Как все-таки хорошо, что ты оказался здесь. Ты был у меня лучшим... хотя это я был, а ты и сейчас, я знаю, самый лучший полицейский. Ты должен добраться до города и рассказать им все. Иди в научное общество... хотя в Вероньезе нет, конечно, ничего подобного...

Тогда в управление полиции. Я должен остаться, наблюдать, не упустить ничего. А ты – расскажи им! Ведь ты запомнил? Запомнил?!

Дюваль и сейчас ни секунды не верил в наивно-неправдоподобную теорию Мортаня. Но, слившись вместе, просьба друга и не подлежащий обсуждению приказ не оставляли места для колебаний. И он ответил твердо, прерывисто и нерушимо-надежно:

– Запомнил.

* * *

Людей на пляже уже практически не было. Вся их огромная, колыхающаяся, тревожно-разноцветная масса переместилась выше и дальше от моря, туда, где проходила шоссе-сая дорога. И Дюваль, натянув втоптанную в песок майку и шорты, тоже устремился туда, обогнув на бегу семейство Валуа, которые все еще сушились вокруг своей палатки.

Море людей, не менее разрушительное в своей силе, чем настоящее море, поглотило его. Счастливые владельцы автомобилей выкликивали баснословные цифры, но их никто не слушал, и изящные открытые кузова набивались, как корзины, бесплатными пассажирами. Штурмовать более скромные машины было труднее, но что может устоять перед всеохватывающим паническим ужасом? Подошел мирный, видимо, еще ни о чем не осведомленный рейсовый автобус, и человеческий поток устремился к нему. Совсем близко к Дюваль блеснули смертельно испуганные глаза той миниатюрной брюнетки – слишком миниатюрной, чтобы быть в первых рядах. Не подключая к этому работу мысли, Дюваль подхватил ее на руки и легко, как теннисный мячик, забросил на крышу автобуса. Он еще успел заметить, как она приникла к этой крыше, ухватившись обеими руками за какую-то скобу.

В следующую секунду он лихорадочно искал пути в город для себя. Его внимание привлекли двое длинноволосых подростков на мотоциклах – у одного из них не заводился мотор. Дюваль кинулся туда, и, сбросив одного юнца на землю – даже не ударом, а просто несокрушимой силой резкого целенаправленного порыва – и мгновением позже он уже на бешеной скорости неся по автостраде.

Вероньез был карманным городком под самой Ниццей – не слишком фешенебельным, чтобы привлекать богатых курортников, не достаточно милым и солнечным, чтобы притягивать всех остальных. В этом городке все мало-мальски важные заведения располагались на одной улице – и управление полиции тоже.

Это были две смежные комнаты, примыкавшие к какому-то магазину. Дюваль вошел туда уверенно, стремительно, ни у кого не спрашивая разрешения.

– Я по поводу того, что произошло на Скалистом пляже.

Один из полицейских поднял взгляд от шашечной доски и махнул рукой.

– Мы уже все знаем.

Дюваль оперся обеими руками на стол, за которым сидели подтянутый седоусый старик – видимо, начальник, – и тщедушный юнец в очках, листающий какие-то бумаги.

– Мне есть, что сообщить. Я здесь по поручению Мишеля Мортаня – вы, именно вы, – кивнул он на старика, – должны его знать. Он был не так давно начальником криминальной полиции в Париже.

Старик покачал головой. Его лицо выражало скупающее, вежливое внимание. Мальчишка, сидевший рядом с ним, не поднимал головы от бумаг. Двое за шашечной доской возобновили прерванную на минуту его приходом партию.

И тогда Дюваль, нависнув над столом, на одном дыхании высказал все, что успел услышать от Мортаня, все то, во что он абсолютно не верил и не надеялся поверить когда-нибудь – не высказал с несокрушимой, как лавина, силой убеждения, бьющей из каждого слова, из каждой паузы и знака препинания.

После его слов воцарилась тишина, Потом ее прервал глухой стук шашечного хода.

– Что вы намерены предпринять? – глухим, будто сорванным голосом спросил Дюваль.

Юнец поднял глаза – голубые и маленькие за стеклами близоруких очков.

– Не кричите, молодой человек.

– Какой я тебе молодой человек?! – внезапно взорвавшись, заорал Дюваль.

На улице он вскочил на угнанный мотоцикл – такие тещи уже не имели значения – и на полной скорости помчался по извилистому шоссе в сторону Скалистого пляжа.

Справа от дороги сверкало тихое, зеркально-гладкое вероньезское море. Дюваль попытался уверить себя, что там, на пляже, оно точно такое же, что эта жуткая неправдоподобная волна ушла назад, в океан. А если наоборот? И он все сильнее жал на газ, выжимая из мотора уже немыслимые километры. А потом море полностью скрылось за скалами, Непроступными скалами, у которых даже не было другого названия и которые простирались до самого пляжа.

Волна была на месте. Она по-прежнему высилась над пляжем чуть наклонной зыбкой стеной, но в ней почему-то уже не чувствовалось угрозы, она казалась какой-то обыкновенной и даже будничной.

Дюваль затормозил и вдруг понял, в чем дело.

Под этой стеной, этой махиной воды, бросающей вызов законам природы, мирно расположилось, симметрично рассевшись вокруг клетчатой подстилки, семейство Валуа. Они обедали! Обедали как ни в чем не бывало.

«Не решились бросить свою палатку», – зло подумал Дюваль. Он спрыгнул с мотоцикла и направился к пляжу.

И напоролся на стену. Невидимую, неосязаемую – и все же неприступную стену. Сначала Дюваль не поверил в ее реальность. Потом он неистово бил в нее кулаками и ногами, которые тонули в пустоте, ломился плечом... А Валуа поглощали вареную курицу, не глядя в его сторону. Мортаня нигде не было видно.

– Мишель! – позвал Дюваль. – Мишель!!!

Но он не показывался.

Тогда Дюваль решил потревожить это сытое, безучастное, в этот миг ненавистное ему семейство – но ведь их фамилия была вовсе не Валуа, и с какой стати стали бы они поворачивать голову на чужую Фамилию?

Но имя девушки он знал.

– Кристин!

Пышная блондинка тяжело поднялась и направилась в его сторону. Она шла, плавно покачивая бедрами – но шла не так, как идут на зов, нет, она просто прогуливалась. Она дошла до конца пляжа и ступила кончиком бело-розовой ноги на асфальт нагретого солнцем шоссе.

Между ними было каких-нибудь полтора шага..

– Кристин!

Дюваль шагнул вперед. Но она не видела и не слышала его. В ее круглых серо-голубых глазах он не видел своего отражения. Зато в них

отражаюсь отчаянье и страх, и от этого ее лицо казалось наивно-детским и трогательным. Она выставила вперед растопыренные ладони, словно пытаясь защититься от чего-то или что-то оттолкнуть.

И Дюваль, сам не зная зачем, приложил свою руку к ее, как это делают дети. Рука Кристины была большая – только чуть-чуть меньше, чем у него – и, наверное, мягкая и теплая, но этого Дюваль не почувствовал.

Кристин резко повернулась и побежала к палатке. Дюваль услышал за спиной шум подъезжающих машин. Обернувшись, он увидел, как с нескольких огромных самосвалов выгружают кюветы с раствором и плиты ракушечника.

– Зачем это? – прокричал он водителю, перебивая шум и грохот.

– Будем ставить стену. Раз туда нельзя попасть. нечего, чтобы такие, как ты, ходили и глазели.

– Как нельзя попасть?

– А никак. Ни с дороги, ни с моря, ни с воздуха.

– А со стороны скал?

– Так они же неприступные.

А тем временем рядом палаткой Валуа откуда-то появился Мортань, и Дюваль вздохнул с облегчением, увидев его. Визжащие буры уже вспарывали асфальт, и Дюваль сел на мотоцикл. По крайней мере, теперь он знал, что делать.

* * *

Теплое спокойствие Вероньеза. завораживало. Неизъяснимого очарования была исполнена сама его камерность – стоя на набережной, достаточно было повернуть голову на право и налево, чтобы увидеть, где он кончается. Эта набережная была вся расцвечена яркими курортными красками, но даже они, кричаще-назойливые в больших приморских городах, здесь казались мягко-сгармонированными.

Дюваль шел по шахматно-пятнистой от древесной тени аллее. С одной стороны между стволами светилось море, а с другой под углом поднимался вверх поросший или засаженный деревьями зеленый склон. Вверху, за ним, тоже был Вероньез, но совсем другой, не курортно-праздничный – просто пыльный провинциальный поселок. Вся жизнь была сосредоточена здесь, внизу.

Дюваль всегда жалел людей, вынужденных круглый год жить в таких вот провинциальных курортных городишках. Сам он утверждал, что не может существовать без Парижа, хотя и чаще других видел Париж с изнанки. Но сейчас...

Медленные, тяжелые шаги Дюваля широкими следами отпечатывались на посыпанной песком дорожке. Теплый ветер слегка шевелил его волосы и уносил в море все звуки спокойного веселья набережной. «Я сюда никогда не вернусь...»

Он знал, что не вернется ни в Ниццу, сверкавшую в нескольких километрах, ни в Париж, ни в весь населенный людьми мир. Но сейчас этот мир сосредоточился в маленьком карманном городке Вероньезе, и не жалко было отдать полцарства и полжизни, чтобы только остаться здесь навсегда.

Поддаваться таким мыслям было недостойно полицейского, мужчины, человека. Дюваль ускорил шаги и решительно вышел на главную улицу.

В городках, подобных Вероньеzu, можно было купить все, что угодно – дешевле, чем в Ницце, хотя и намного дороже, чем в Париже и других больших городах, Дюваль приобрел полное альпинистское снаряжение и большой брезентовый рюкзак. В соседнем, продуктовом магазине он доверху набил его сухими продуктами и консервами.

После покупки тысячи мелочей, необходимых, как он знал из краткого курса в академии, отшельнику, в бумажнике Дюваля осталось несколько монет. Он съел мороженое в летнем кафе – медленно, смакуя каждую ложечку. А потом, подбрасывая в ладони последние десять су, медленно пошел по набережной, в ту сторону, где чернели на горизонте Неприступные скалы.

Проходя мимо лотка сувениров, он остановился и истратил последнюю монетку на керамический медальон с изображением моря, скал и притулившегося к ним Вероньеза. Пусть эта девушка, Кристин, получит последнюю весточку из мила людей.

...Когда над ухом что-то свистнуло на неуловимо-высокой ноте, у Дюваля не успело мелькнуть ни одной мысли, ни одного зрительного или звукового впечатления. Только мигом позже, молниеносно метнувшись в аллею и дальше, под прикрытые деревья склона, он услышал слишком тихие для пронзительных вскрики толпы и увидел вибрирующий ствол искусственной пальмы фотографа, надвое расщепленный пулей.

«Полицейский всегда имеет при себе револьвер.» Такое было только в кино, и единственным – исключением в жизни являлся Дюваль. Черный браунинг до сих пор оставался с ним – и только потому, что Дюваль начисто забыл о нем.

Волоча за собой в левой руке рюкзак и снаряжение, правой он осторожно достал пистолет из заднего кармана легких шортов и бесшумно взвел курок.

По-видимому, нападавший уже лишился первоначального преимущества – видеть, оставаясь невидимым. Теперь, если не считать рюкзака, шансы были равны. Дюваль перебирал в памяти возможные имена – их было слишком много. Он поморщился. Все-таки, выследить его

здесь, в этом спокойном, мирном Веронье, где никогда ничего не случалось, и уж конечно, не случалось ничего плохого, было недостойно самого низменного бандита.

Прозвучал выстрел – далеко мимо – неуверенный, пробный. Дюваль не ответил. Следующий выстрел был настойчивее и нетерпеливее, и мгновенно соединив две точки одной линией, Дюваль выстрелил в ее продолжение. Он тоже не попал, но это уже была дуэль.

Она продолжалась до тех пор пока у того, другого, не кончились патроны. Дюваль, сэкономивши два выстрела, пользоваться ими не собирался, и потянулись минуты выжидания, мучительно-долго концентрируясь в часы.

Уже смеркалось, когда он, не таясь и не оглядываясь, вышел на набережную. Она так и не наполнилась народом – слишком большим потрясением для Веронье были эти полуденные выстрелы. Дюваль поудобнее устроил на плечах ремни тяжелого рюкзака и решительно двинулся ко рвущим алый фон острыми вершинами скалам.

Они были действительно неприступны – хаотичное нагромождение угловатых глыб, особенно страшное своей зыбкой неустойчивостью. От первого же движения Дюваля со скалы над его головой сорвался камешек, и он подхватил его в воздухе, боясь глупого, нелепого, книжного обвала.

Горное снаряжение слушалось Дюваля кар опытного альпиниста, ноги сами находили невидимые выемки в отвесных стенах. Уже почти совсем стемнело, и только где-то впереди маячил неестественно-розовый свет, бросая редкие отблески на море.

А если и здесь за какой-то из глыб встанет невидимая, но по-настоящему неприступная стена? Такие мысли приходили в голову еще тогда, на шоссе, но Дюваль решительно отгонял их. Если наивный самодеятельный ученый Мишель Мортань был прав, этого не случится. А уж теперь-то он должен был, черт возьми, быть прав!

Но стена встала. Дюваль выставил вперед ладони, убеждаясь в ее реальности. Действительно, если бы ее не было, здесь могли бы пролететь вертолеты... Дюваль в изнеможении прислонился к наклонной скале – и вдруг дико, истерически расхохотался. Все хорошо! Совесть чиста, как стекло – мир людей сам отказывается отпустить его! Так что вперед то есть назад – туда, где полицейского Дюваля ждут с распростертыми объятиями и раскрытыми дулами пистолетов.

Раскаты смеха всколыхнули зыбкую каменную массу. Ах да – ведь в горах можно только шептать. Дюваль наподдал ногой качающийся на краю обрыва камень – и вдруг замолчал.

Медленно, как в кино или во сне, обломки скал падали в море – совершенно бесшумно, без всплеска, не оставляя даже кругов на воде. Они выпадали из общего нагромождения, не повинаясь никаким законам тяготения, совершая в воздухе дуги и пируэты. Дюваль уже видел свет на другом конце образующегося тоннеля, и этот свет был ярко-розовый...

Рюкзак и снаряжение пришлось оставить – в проем могло проникнуть только тело, ползая под нависающей немыслимой тяжестью каменной громадой.

* * *

Узкий ручеек соединял с морем вырытый в песке круглый бассейн. Над ним склонился Мортань, и лучше было не подходить туда и не видеть... Эта жуткая, отвратительная, inferнальная флора и фауна могла вызвать интерес и не вызывать ужаса только у человека, отрешившегося во имя науки от нормальных человеческих эмоций.

Дюваль сидел на песке, вычерчивая на нем длинной тростинкой причудливые фигуры. Невидимое, но никогда не заходящее солнце бросало вглубь бороздок густые розовые тени. А застывший колеблющийся водный вал уже не отбрасывал тени. Его белый пенный гребень изящно изгибался, повторяя очертания фигуры полулежащей внизу на песке Кристин.

Она потянулась со скульптурной грацией и села, подогнув под себя колени. Бело-розовый силуэт огромной неправильной жемчужиной вырисовывался на бирюзово-изумрудном фоне. Потом она встала и пошла, ставя ноги так, что следы образовывали одну извилистую линию.

– Так странно, мсье Дюваль, – Кристин опустила на песок рядом с ним. – Вот мы здесь совсем ничем не заняты – кроме Мишеля – а вместе о том мне вот совсем не скучно. А вам? Дюваль рассеянно кивнул.

– И вообще, мне кажется, с нами что-то происходит. Я все время пытаюсь вспомнить... разные вещи... лицо моей подруги, Версаль – ведь мы из Версаля. вы знаете? Пытаюсь вспомнить – в не могу Все растворяется, кажется нереальным, как будто я сама это придумала А на самом деле как будто мы всегда жили здесь. И никогда ничего не было, кроме этого пляжа, моря, этой волны... И никаких людей, кроме родителей, Мишеля и вас. Странно, правда?

Дюваль снова кивнул – отрешенно и сумрачно. Некоторое время они молчали. Потом на них упала розовая тень – это подошел папаша Валуа.

– Кристин, идем обедать. Последняя банка консервов, – добавил он, внушительно глядя на Дюваля. – Самая последняя.

– Я не хочу есть, – безмятежно откликнулась Кристин. И, обращаясь к Дювалю, повторила: – Правда. Мне уже несколько дней совсем не хочется есть.

– Мне тоже, – будто виновато пробормотал папаша Валуа, – но ведь надо...

Когда он ушел, Кристин посмотрела в упор на Дюваля и вдруг опустила глаза.

– Мсье Дюваль, – почти прошептала она, – а как ваше имя?

– Жан, – коротко ответил он.

– А мое – Кристин, – сказала она, словно он не знал об этом.

Внезапно к ним подбежал Мортань.

– Идемте! Идемте! Да идемте же!

Его помолодевшее на сорок лет лицо не светилось – оно сверкало! Невозможно было представить себе одновременно столько счастья и восторга на одном человеческом лице. Протянув Дювалю и Кристин руки,

он одним стремительным рывком поднял их обоих с песка и увлек? за собой.

Взявшись за руки, как дети, они втроем побежали туда, где исходил пузырьками газа страшный бассейн Мортаня.

– Смотрите!

Кристин не то вскрикнула, не то вздохнула – тихо и восхищенно. Дюваль молчал, чувствуя, как все шире раскрываются его изумленные глаза.

Потому что не было у мире ничего прекраснее этого бассейна. Невыносимые для глаза монстры исчезли. Маленький пятачок сверкающей изумрудом морской воды был населен самыми дивными, чудесными нежно-красочными существами, какие только могло измыслить воображение романтически-гениального поэта.

Кристин и Мортань не могли отозвать от бассейна потрясенных взглядов. А Дюваль только слегка повернул голову – и замер уже в новой позе.

По берегу бежали, размахивая руками, Валуа. Потом они остановились, и немолодой мужчина, как юный любовник, закружил, подхватив на руки, грузную женщину.

Огромный вал, перетекая плавными изумрудными изгибами, уходил в море. Уже не было ни крутого гребня, ни белой кружевной шапки. Пологая волна прокатилась до самого горизонта, как по взвитому ветром занавесу, и на немыслимо-гладкой поверхности моря засверкали розовые блики.

– Нас простили, – выдохнул Мишель Мортань.

Прямая, как стрела, розовая дорожка уходила куда-то далеко, далеко...

– Жан, – воздушная, невесомая рука Кристин тронула его за плечо. – Пойдемте, догуляем?

Он кивнул и взял ее за руку.

Изумрудно-бирюзовые следы четко отпечатывались на сверкающем фоне, и их тут же задувала розовая рябь. Но они снова возникали – дальше от берега, зато ближе к горизонту...

* * *

– Идем, идем, ну чего ты все время останавливаешься, это же дальше, на самом верху...

Именем великой дружбы она открывала ему эту тайну. А он, крепкий восьмилетний мальчуган – к тому же на полголовы ее ниже – стопорился на каждой ступеньке, разглядывая никогда раньше не виданные предметы обстановки старого маяка.

А ведь с минуты на минуту могли вернуться родители! Она сама открыла это. То, о чем не знал даже отец. То, что если придвинуть к углу шаткий трехногий столик, поставить на него табуретку и залезть наверх, повесив на шею отцовский бинокль, то в маленькую круглую дырочку под самой крышей, затянутую клетчатой сеткой, можно увидеть сверху таинственную, обнесенную высоченной стеной Безлюдную долину.

И она вовсе не безлюдная...

При виде тяжелого морского бинокля мальчик пришел в восторг.

– Ну быстрее же!

Красная от натуги, девочка держала нижние ножки шаткой пирамиды из стола, табуретки и ее друга.

– Видишь? Видишь?

Мальчик приставил трубки бинокля к вентиляционной сетке. Прозрачные, невесомые фигуры, держась за руки, шли по воде, почти невидимые в сверкании розовых бликов...

– Это ангелы, – выдохнула снизу девочка.

– Какие же это ангелы, – решительно возразил мальчик. – У них нет крыльев.

Вариация жизни

1.

– Скажите Кэлверсу, что он идиот! – гремело за дверью. – Что?! Да за такую сумму я могу заполучить кого угодно! Да, озвучание завтра в три – а что, по вашему, могло измениться? Выезжаю, черт бы вас побрал, уже выезжаю!

Дверь открылась, и тут же большая часть невероятной толпы с бессвязными вопросами бросилась навстречу показавшемуся человеку, другие же, напротив, подались назад, освобождая ему дорогу. Возник немыслимый в своей беспорядочности человеческий водоворот. Рыженькая девушка в длинной ярко-красной юбке была подхвачена этим водоворотом, пронесена несколько витков и, наконец, брошена у стены, где ей удалось остановиться. Какой-то парень, тяжело дыша, остановился рядом с ней, почти вплотную.

– Красная юбка – это здорово, – без предисловий сказал он. – Они могут не запомнить тебя, но уж юбку-то точно запомнят. Надевай ее на все прослушивания, если хочешь стать кинозвездой.

Девушка занялась своей вконец рассыпавшейся прической. Со шпильками во рту она помотала головой.

– Что? А почему «нет»?

– Я хочу стать режиссером, – выговорила она, закалывая на затылке рыжие волосы.

Парень присвистнул – достаточно громко, чтобы с десятков окружающих повернулись к ним.

– Режиссером? – переспросил кто-то, расслышавший последние слова.

– Да, – рыженькая девушка отважно пошла в наступление. – А что? Я, может быть, и стала бы актрисой – если бы во всей Корпорейшн был хоть один настоящий режиссер! Современные фильмы... их невозможно смотреть – если ты видел хоть один старинный! Да, старинные фильмы примитивны, двухмерны, иногда они даже черно-белые – но там есть что-то живое, какие-то чувства, мысли, эмоции... Похоже, последний режиссер умер еще во времена Голливуда!

– Но существуют же ретристы, – возразил, может быть, тот парень, а может, кто-то другой.

– Ретристы только пытаются повторять то, что было когда-то. Ни у кого из них нет режиссерского образования, они и понятия не имеют о чисто технических достижениях современного кино, к тому же, у них нет доступа к деньгам Корпорейшн, а без этого тоже...

– Некоторые снимают в Вариациях, – это сказал уже точно тот парень.

– Но ведь Вариации все время меняются, и потом, это незаконно... нет, я хочу стать настоящим режиссером! – эта наивная звонкая бравада вызвала пробежавший над головами легкий смех, и девушка ярко, как все рыжие, покраснела.

– Как тебя зовут? – спросил парень.

– Айрис.

Заветная дверь снова отворилась, на пороге появился высокий худой мужчина с жестким лицом.

– Эй, вы! – отрывисто крикнул он, и воцарилась абсолютная тишина. – Босс уехал по делам. Мое время тоже ограничено, я могу прослушать десять человек. Всем стоять по местам! Я сам скажу, кто. Вы. Вы двое... Молодой человек... Вы... Нет, не вы... хотя и вы тоже. Вы, все втроем... и вы, в красной юбке.

За спиной Айрис прокатились завистливые вздохи, и она устремилась вперед, скользя по еле заметной тропинке в чуть расступившейся толпе.

...– Да! – кричал в трубку видеофона худой человек. – Через пять минут! Сэм опять взвалил на меня свою работу. Что? Скажите, что я ей голову оторву! Да, да, сейчас еду, не делайте такой физиономии!

Он порывисто зашагал к двери, и Айрис едва успела преградить ему дорогу.

– Вы еще здесь? Я же вам сказал...

– Вы не сказали мне ни слова.

Он остановился.

– Вы же видите, я тороплюсь! Ладно, подойдите к окну.

Она послушно встала у окна и позволила ему взять ее за подбородок.

– Так, черные глазки – это хорошо. От веснушек вы уже избавились – тоже хорошо. Рыжие волосы сейчас не котируются – станете блондинкой. Талия в порядке, бюст... не помещает прибавить два-три дюйма. Салон Новых форм через два квартала. Потом придете еще. До свидания.

– Но я...

– Только не думайте, что внешние данные – это все. Тем более, что сейчас актуален образ антигероини, проще – обыкновенной некрасивой женщины. Все ведущие режиссеры...

– Я хочу стать режиссером!

Он обернулся у полуоткрытой двери.

– Вот он что! С вашей-то комплекцией? Но это не ко мне, режиссерские курсы набирает Кармелли – или уже набрал... Он должен прийти минут через двадцать...

– Я подожду!... если можно.

– Ждите, я вас запру.

...Розовый свет постепенно переходил в фиолетовую мглу, и светлый прямоугольник, отбрасываемый окном, тускнел на глазах. Кнопок и клавиш на стенах было слишком много, Айрис боялась их трогать наугад и потому сидела в неумолимо сгущающейся темноте. Пестрая шумная толпа за дверьми давно разошлась, они придут пытаться счастья в другой день, и, может быть, как раз тому темноволосому парню повезет...

– Что вы, черт возьми, тут делаете?

Айрис вздрогнула и вскочила с краешка стула, почти ослепленная внезапным ярким светом. Сбивчивыми движениями она оправила волосы и юбку и так же сбивчиво принялась излагать историю своего появления в этом кабинете. Кармелли – она сразу узнала его, часто мелькавшего на телевидении – раздраженно рылся в столе, негромко ругаясь себе под нос, и было непонятно, слушает он ее или вообще начисто забыл о ее присутствии. Она кончила как раз в тот момент, когда он нашел нужную бумагу.

– У вас нет ни единого шанса, – сообщил он, не глядя на девушку. – Я набираю пять человек, а желающих несколько сотен. С вашими данными лучше и приятнее мечтать об актерской карьере.

– Я, может быть, и стала бы актрисой, – привычно храбро начала Айрис, – если бы во воей Корпорейшн...

Она осеклась. Ей совершенно не нравились жестоко-эстетские фильмы Кармелли, но ведь сейчас от этого человека зависело ее будущее...

– Во всяком случае, пять шансов из нескольких сотен у меня есть, – наконец тихо сказала она.

Кармелли поднял глаза и впервые внимательно, пристально рассмотрел ее. Айрис тут же вспыхнула – она всю жизнь легко краснела, бороться с этим не было никакой возможности.

– Ну что ж, – медленно произнес Кармелли, – один шанс я вам дам. Я устрою вам настоящий профессиональный экзамен – убежден, что у вас ничего не выйдет, но это шанс. Экзамен в Вариации, мы все прошли через это. Он выдержал паузу, но Айрис тоже молчала, и он продолжил:

– Вам известно, что такое Вариация? Думаю, что да. Отдельно взятая Вариация существует от восхода до заката солнца, на следующий день ее сменяет другая. Как правило, внутри потока они различаются только в деталях, но бывают и более существенные различия. Ну, это все вы знаете. Закон разрешает пользование Вариациями только в строго регламентированных случаях, и профессиональные экзамены кинематографистов Корпорейшн входят в их число.

– И... что надо делать?

– Для проверки актерского мастерства достаточно органически войти в Вариацию и прожить ее, но вам, – его губы изогнулись в иронической усмешке, – придется труднее. Вы должны, будете срежиссировать события в вашей Вариации и привести их к заданному результату. Надеюсь, я доходчиво объяснил. Я никогда и ничего не повторяю дважды. С восходом солнца вы приступите. В ваших интересах остаться ночевать здесь.

Айрис недоуменно и вопросительно вскинула глаза, но приземистая энергичная фигура Кармелли уже исчезла в дверном проеме. Отрывисто клацнул замок, и свет погас синхронно с ним, ошеломляюще в своей внезапности.

...Одна рука ассистентки лежала на пульсе Айрис, другая касалась кнопки хронометра.

– Это довольно устойчивый Поток, – говорил Кармелли. – Братья Эрлы —обычно их четверо,— ведут войну с Царем неверных, – впрочем, титулы и

названия могут изменяться. Ваша задача – добиться их поражения, кстати, это легче, чем наоборот. Конечно, сегодняшняя Вариация может быть совсем непохожа на предыдущие, но задание от этого не меняется.

– Костюм, – вдруг вспомнила Айрис. – Мне дадут костюм того времени?

– Если переодевать каждую девчонку, в костюмерной Корпорейшн ничего не останется, – отрезала ассистентка.

– Придумаете что-нибудь, – бросил Кармелли. – Жители Вариаций наивны и доверчивы, у них ведь отсутствует жизненный опыт. Только не вздумайте выдавать себя за божество или что-нибудь в этом духе. Старо и плоско.

– А в мини-юбке было бы намно-о-го труднее, – протянул кто-то, и Кармелли раскати-сто захохотал, захихикала его ассистентка, засмеялись все, и под этот всепоглощающий хохот Айрис провалилась в искрящуюся темноту, полную неясных шорохов и стуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.